

– Думаю, тебе не о чем беспокоиться, – сообщил пожилой врач своим обычным жизнерадостным тоном. – Судя по тому, что я вижу, твое состояние стабилизировалось. Ты ведь больше не испытываешь боли?

– ...Да.

– В таком случае ты можешь ходить в школу, как обычно.

Даже эта четкая информация не изгнала мою тревогу полностью.

Все еще немного подавленный, я сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Да, никаких зловещих ощущений. Боль в груди и затрудненное дыхание... неделю назад эти симптомы снова стали проявляться время от времени, но в последние два-три дня они пропали.

– А физкультура?..

– Физические нагрузки по-прежнему исключены. Посмотрим, что будет через месяц. Возможно, потребуется и больше времени.

– ...Хорошо.

– Для полной уверенности я хочу, чтобы ты зашел еще раз в ближайшие выходные. И если никаких изменений не будет, в следующий раз встретимся через месяц.

Я кивнул, потом покосился на календарь, висящий на стене кабинета. Вчера было 1 июня. Ближайшие выходные – это суббота, 6.

Когда я стал свидетелем ужасной смерти Юкари Сакураги на второй день промежуточных экзаменов – это было ровно неделю назад, – у меня снова стала болеть грудь из-за все той же проблемы с легкими. Я перепугался и на следующий же день отправился в городскую клинику, чтобы меня посмотрели. Там я получил неприятный диагноз: «Признаки незначительного пневмоторакса». Правда, заодно мне сказали, что «уровень рецидива не достигнут».

«Хотя в оболочке легкого есть очень маленькая дырочка, микронадрыв, окружающая ткань, похоже, полностью здорова. Поэтому тебе удалось сохранить приличную форму и избежать полного коллапса, – так мне тогда объяснил лечащий врач. – Какое-то конкретное лечение тебе вряд ли понадобится. Просто отдохни дома недельку».

И, следуя рекомендации врача –

Я всю неделю проторчал дома, в школу не ходил. И был практически без понятия, что происходило в классе после того случая.

Вот минимум информации, который я получил. Мать Сакураги, попавшая в аварию, умерла в тот же день. Похороны матери и дочери прошли тихо, исключительно в семейном кругу. Ну и, конечно, весь класс был в колоссальном шоке. Пожалуй, и всё.

Что делала на этой неделе Мей Мисаки, я был без понятия. Не то чтобы я ну совсем никак не мог разузнать насчет нее и остальных, но прибегать к этому способу мне совершенно не хотелось. Почему-то никак не мог решиться.

У меня по-прежнему не было списка класса, так что позвонить и пообщаться напрямую я мог только с Тэсигаварой. Несколько раз я его набирал, но он не отвечал. Видел небось, что это я звоню, и не брал трубку нарочно.

Бабушка слышала про то, что случилось, но лишь повторяла, как попугай, одно и то же: «Какой ужас-то» и «Мне их так жаль». Похоже, ее заботило исключительно здоровье внука. Дедушка, понимал он или нет, что происходит, лишь кивал на каждое бабушкино слово. Рейко-сан очень волновалась за мое психологическое состояние, но в душу мне не лезла. Я сам тоже не решался лезть в деликатные вопросы. Майна Рей-тян орала так же энергично, как и прежде. Из Индии не было ни звонка, я тоже ничего пока не сообщал отцу.

Посреди всего этого оставался лишь один человек, с которым я мог общаться более-менее нормально. Как ни странно, это была Мидзуно-сан из городской больницы. Она мне позвонила ближе к вечеру через день после смерти Сакураги и, соответственно, на следующий день после моего визита в клинику.

– У тебя все в порядке? Как твои легкие? – она сразу взяла быка за рога. – В конце концов, тот кошмар произошел у тебя прямо на глазах. Наверняка это как-то сказалось на твоём самочувствии.

– Вы знаете про то, что случилось?

– Мне братишка рассказал. Ну, знаешь, младший – он в Северной средней, в одном классе с тобой? Такеру Мидзуно. Он еще в баскетбольную секцию ходит.

Значит, это действительно он.

– Ты вчера вместо школы в поликлинику ходил, да?

– Ага.

– Но, судя по всему, ничего настолько страшного, чтобы тебя снова госпитализировали?

– Слава богу, да. Мне сказали, что я сумел справиться.

– Когда снова сюда? Я имею в виду, в клинику вообще.

– На следующей неделе, во вторник утром.

– Отлично, не хочешь потом пересечься?

– Э?

Зачем ей?.. Но, прежде чем я успел спросить, Мидзуно-сан продолжила:

– Мне кое-что не дает покоя. Разные вещи. Не знаю, что с чем связано, как связано и вообще связано или нет. Ну и плюс еще та тема, о которой нам с тобой надо поговорить.

«Та тема» – это насчет моих вопросов о девушке, умершей в больнице в конце апреля?

– Значит, сидишь дома и поправляешься?

– Пытаюсь.

- Только не грузи себя мыслями о той беде. А если тебя снова положат в больницу, я буду о тебе заботиться изо всех сил.

- Э... ага. Спасибо.

Я ее, конечно, поблагодарил, но вообще-то такого развития событий я намеревался избежать любой ценой.

- Ладно, тогда увидимся в больнице во вторник. Но я тебе позвоню заранее.

Мидзуно-сан явно заботилась о моем психическом здоровье – она даже не пыталась завести разговор о нашем с ней общем увлечении. И «мальчиком-жутиком» меня тоже не назвала ни разу, за что я в глубине души был ей благодарен.

Всего два дня назад я увидел в реальной жизни такую кошмарную картину; ничего удивительного, что это здорово ударило по психике.

Тошнотворная краснота, расползавшаяся по ткани зонта, лежавшая ничком Юкари Сакураги, стальной наконечник зонта, торчащий из ее шеи, жуткое количество крови, толчками выливающейся из раны. Эта картина стояла у меня перед глазами и не желала уходить. Звук, с которым сломался зонт и тело упало на бок, возгласы Миямото-сэнсэя, сирена «скорой», крики и плач учеников... все это я до сих пор слышал, как наяву.

Как бы я ни пытался убедить себя, что одно с другим никак не связано, на какое-то время я сделал перерыв в книгах и фильмах ужасов – просто я был в таком состоянии, что не мог их воспринимать.

2

Опять с неба лило, как и на прошлой неделе. Похоже, сезон дождей таки начался – намного раньше обычного. Бабушка, как обычно, предложила отвезти меня в клинику на машине, но я твердо отказался и отправился туда один.

Мы с Мидзуно-сан договорились, что я встречу с ней сразу, как только меня закончат смотреть. Она сказала, что у нее ночная смена, после которой она отправится в общежитие при клинике, чтобы поспать немного. Поэтому я обещал, что, когда освобожусь, тут же ей позвоню.

И вот, стоя перед главным входом поликлиники, я позвонил Мидзуно-сан на мобильник, а потом просто ждал, разглядывая мокрый от дождя пейзаж.

Мне вдруг подумалось, что здесь, в Йомияме, дождь более липкий, чем в Токио.

Если учесть загрязнение воздуха, должно было бы быть наоборот. Так что это, видимо, мои особенности восприятия.

Возможно, слово «липкий» неудачное. Возможно, стоит употребить что-то понейтральнее, скажем, «более насыщенный».

Тротуары, идущие по ним люди, растения вблизи и горы вдали... все это, когда вымочено дождем, словно приобретает какие-то новые, другие тона и оттенки. Я совершенно не имею в виду, что дождь грязный.

Мой взгляд остановился на лужицах, образовавшихся на земле.

Вот то же самое. Как бы это выразить словами? Они словно бы имели больше оттенков и более насыщенные цвета, чем лужи в Токио. Возможно, проблема не в самом дожде, а в том, что сквозь него я здесь рассматриваю вовсе не то, что рассматривал там. Ну а может, это просто мое воображение шутки шутит.

- Прости, что заставила ждать, - раздался голос совсем рядом. Впервые я увидел Мидзуно-сан без белой формы медсестры. На ней была голубая блузка и черный джинсовый пиджак.

- Что показал осмотр?

- Вряд ли я буду вас нагружать своим присутствием.

- Какая досада.

- И завтра мне уже можно идти в школу.

- Правда? Замечательно, - просияла она. Потом достала свой мобильник из кармана пиджака и глянула на экран. - Немного рановато, но, может, сходим куда-нибудь пообедать?

- У вас же была ночная смена? - я проявил некий минимальный уровень тактичности. - В смысле, вы, наверно, сильно устали и -

- Что ты, я в полном порядке! Завтра у меня выходной, и потом, я еще молодая. Как насчет вон того ресторанчика?

- Аа, ну, на ваше усмотрение.

Мидзуно-сан подогнала свою машину. Маленькую, синюю и очень симпатичную - полную противоположность строгого черного «Седрика» моей бабушки.

3

Фастфудная сеть, к которой относился ресторанчик, работала и у нас в Токио, но столик, за который мы с Мидзуно-сан уселись, был гораздо больше, чем там. Когда мы сделали заказ, Мидзуно-сан, прикрыв рот руками, мощно зевнула.

- Не высыпаетесь, да?

- М? Ну, это в порядке вещей.

- Простите. Нам не стоило -

- Ты о чем? Это же я предложила встретиться. Так что выбрось из головы.

Наконец ей принесли кофе и сэндвич. Мидзуно-сан тут же бухнула в кофе изрядное количество сахара, сделала несколько глотков, откусила от сэндвича с яйцом и лишь потом, пробормотав «ну, начнем», повернулась ко мне.

- Во-первых. Я немного поговорила с братишкой Такеру, хотя обычно мы с ним почти не общаемся. Я хотела узнать у него кое-что. Похоже, с классом, в который вы с ним ходите, связаны некие особые обстоятельства.

- Особые обстоятельства?

- Да. Ничего конкретного он не сказал, а я не знала, о чем именно спрашивать, и это, конечно, проблема; но тем не менее: особые обстоятельства. Тебе нужно это знать.

- Знать бы, что за обстоятельства вокруг этих особых обстоятельств... - я опустил глаза и медленно качнул головой. - Я тоже мало что знаю. Уверен, что что-то происходит, но я ведь совсем недавно сюда перевелся, и, кажется, никто пока не собирается мне ничего рассказывать.

- Девочка, которая умерла на той неделе, - ее звали Сакураги-сан, да? Она была в классе старостой?

- ...Угу.

- Я слышала, что произошло. И что ты это все видел. Она упала с лестницы, и ей просто кошмарно не повезло напороться горлом на собственный зонт, да?

- ...Да, так все и было.

- У меня такое впечатление, что он был напуган чем-то.

- Ваш брат?

Если он был потрясен нелепой смертью одноклассницы, это вполне естественно. Но «напуган»? Что бы это значило?

- Что вы имеете в виду, «напуган»?

- Ну, я его напрямую не спрашивала. Но мне показалось, что этот несчастный случай он считает вовсе не «несчастливым случаем».

- Не несчастный случай?

Я почесал лоб.

Если не несчастный случай, то что тогда - самоубийство? Или, может, убийство? Да нет, нереально. Ни того, ни другого просто не могло случиться.

Не суицид, не убийство и не «просто несчастный случай». Что тогда могло?..

- Чего же он боялся?

- Кто его знает, - покачала головой Мидзуно-сан. - Ничего конкретного.

«Кстати, Сакакибара! А ты веришь в привидения, проклятья, всякое такое?»

Я вдруг вспомнил вопрос, который задал мне Тэсигавара. Кажется, это было в первый же день, как я пришел в новую школу?

«Так называемые паранормальные явления?»

Это из того же разговора, но спросил Кадзами.

Конечно, я не верил ни в «привидения, проклятья, всякое такое», ни в «паранормальные явления» и не собирался начинать верить. Ну да, «Семь тайн Северного Ёми» довольно-таки странные, но это всего лишь безобидные страшилки, какие в каждой школе можно найти. В общем-то, даже та история про «Мисаки двадцать шесть лет назад» наверняка...

...Но.

Что если смерть Юкари Сакураги на той неделе – действительно не «просто несчастный случай»?

Я вернулся мыслями в тот день.

Сакураги, едва услышав об аварии, в которую угодила ее мать, вылетела из класса. Она выхватила из стойки свой зонт и побежала на заплетающихся ногах – сперва к восточной лестнице, которая была ближе. Но тут – да, она резко остановилась. Может, потому что увидела нас, стоящих напротив лестницы. В следующий миг она крутанулась и побежала в противоположном направлении – к западной лестнице.

Интересно... что если?..

Что если бы она побежала по восточной лестнице, как и собиралась изначально?

Может, того кошмара бы не случилось.

Она набрала скорость в длинном коридоре и на этой скорости влетела на западную лестницу. И, возможно, как раз в том месте пол был влажным, вот она и поскользнулась... Это невероятное происшествие стало результатом множества случайностей, наложившихся друг на друга. Итак...

Почему Сакураги так себя повела? Почему, увидев нас – меня и Мей, – она сделала то, что сделала?

– Вы когда-нибудь слышали имя «Мей Мисаки»?

Мне принесли заказанный хот-дог, но брать его совершенно не хотелось. А вот пересохшее горло я с удовольствием промочил чаем со льдом, после чего задал Мидзуно-сан этот вопрос.

– Мисаки?

Естественно, она среагировала на фамилию. Наверняка она вспомнила ту девушку, умершую в больнице в апреле, – ее имя тоже было Мисаки.

– Мей... Мисаки? Это кто?

– Она учится в моем классе – в Северном Ёми, три-три. Ваш брат никогда ее не упоминал?

Мидзуно-сан слегка надула одну щеку.

– Я же говорила, мы с ним практически не общаемся. А что с ней такое? Что-нибудь случилось?

– Насчет моего обещания когда-нибудь вам рассказать. Это имеет отношение как раз к Мей Мисаки.

Мидзуно-сан прикрыла свои большие глаза и кивнула, что-то задумчиво бормоча себе под нос.

Я объяснил ей ситуацию, стараясь рассказать все по возможности просто и упорядоченно.

- Хмммм, – она скрестила руки и кивнула еще раз, потом снова откусила от своего сэндвича с яйцом. – Ты уже говорил мне о ней – девочке с повязкой на глазу. Не помню только, когда. Хех. Значит, ты влюбился в эту Мей-тян, да?

- Э...

Ээ... пого... погодите-ка, уважаемая.

- Вы все не так поняли, – ответил я малость раздраженно. – Просто... она всегда как-то странно ведет себя в классе. И я это не могу выбросить из головы.

- Это и называется «влюбился».

- Говорю же, все не так.

- Ладно, ладно. Я поняла. Дай попробую посмотреть свежим взглядом.

- ...

- В тот день в конце апреля – двадцать седьмого, кажется? – в больнице умерла девочка, кузина Мей-тян по имени Мисаки Фудзиока-тян. Мей-тян была очень подавлена, она отправилась в морг, чтобы увидеться с Мисаки-тян и «отнести» ей что-то. Все верно?

- ...Да.

- И? Что такого странного в том, как Мей-тян ведет себя в классе?

- Ну... – мне пришлось как следует подумать, прежде чем ответить. – Мм... во-первых, она, по-моему, сама по себе странная. Но... знаете, я ведь сперва думал, что класс над ней измывается. Или что они ее боятся.

- Боятся?

- Но на это тоже непохоже.

В голове у меня лениво всплыло сразу несколько воспоминаний о том, что я видел и слышал с того дня, когда впервые появился в Северном Ёми.

- У меня есть приятель, его зовут Тэсигавара, так вот, он вдруг ни с того ни с сего мне позвонил и сказал мне «кончать обращать внимание на то, чего нет».

- И что это значило?

- А она сказала, что ее никто не видит, и...

Мидзуно-сан снова скрестила руки на груди.

- Хммм...

Я продолжил:

- И вот после всего этого на той неделе случилось это.

- Хмм. Ну, очевидное объяснение, что все это просто совпадение. Одно с другим ведь никак не связано, верно?

- Если брать очевидное объяснение, то нет.

...Но.

- Меня еще кое-что беспокоит. То, что было двадцать шесть лет назад...

И я рассказал «легенду о Мисаки». Мидзуно-сан слушала молча, не перебивая.

- ...Вы знали эту историю?

- Нет, впервые слышу. Я ведь ходила в Южную среднюю.

- Но ваш младший брат ее наверняка знает.

- О, ты так думаешь?

- Я пока что без понятия, как одно связано с другим. Но какая-то связь, кажется, все-таки есть, и я...

- Поняааатно, - и Мидзуно-сан одним глотком допила свой кофе.

- Я с тех пор в школе не был и не знаю, что сейчас в классе происходит. Вы... от брата об этом ничего не слышали, да?

- Теперь это действительно начинает напоминать историю из какого-то жутика. Ты не собираешься есть свой хот-дог?

- А, да. Спасибо.

Не сказать чтоб я был совсем не голоден. Глядя, как я ем хот-дог, Мидзуно-сан предложила:

- Почему бы мне не попробовать что-нибудь разузнать? О том, что было двадцать шесть лет назад, и о Мей-тян. Я, правда, не очень-то дружу с братишкой - не знаю, сколько он мне расскажет. Ты завтра идешь в школу, верно?

- Да.

Впервые в школу на этой неделе.

От этой мысли уровень моей тревоги вмиг подпрыгнул. И еще...

Что сейчас делает Мей?

В груди проснулась тупая боль, совсем не такая, как при разрыве легкого.

- Если я что-нибудь узнаю, я тебе позвоню. Ты когда в следующий раз придешь в клинику?

- В субботу.

- В субботу... это шестое июня? Кстати, ты смотрел «Омен»?

- Видел по телеку, еще когда был в начальной школе.

– Вряд ли в нашем городке есть свой Дэмиен, но... – лицо Мидзуно-сан приобрело знакомое выражение «юной медсестры, обожающей триллеры», на нем расплылась озорная улыбка. – Но нам обоим следует быть осторожнее. Особенно надо остерегаться несчастных случаев, которые обычно не происходят.

4

Когда мы вышли из ресторанчика, дождь уже прекратился и солнечные лучики то тут, то там пробивались сквозь облака.

Я принял предложение Мидзуно-сан подвезти меня до дома и сел на пассажирское сиденье ее машины; но на полпути я вдруг увидел знакомые места и попросил Мидзуно-сан высадить меня. Мы были в Мисаки, недалеко от кукольной выставки «Пустые синие глаза в сумраке Ёми».

– Ты же в Фурути живешь, Сакакибара-кун? Дотуда еще далеко.

Она смотрела на меня с сомнением, но я заверил ее, что столько времени проторчал дома, что хочу проветриться, и выбрался из машины.

«Пустые синие глаза...» я нашел почти сразу.

На площадке наружной лестницы, ведущей на верхние этажи, стояла женщина средних лет в ярко-желтой одежде. Мы встретились взглядами – так мне показалось. Интересно, она работает наверху в кукольной мастерской? С этой мыслью я кивнул женщине, но она, никак не среагировав, молча зашагала вверх по лестнице.

Я аккуратно сложил зонт, убрал его в сумку и открыл дверь.

Над дверью тускло звякнул колокольчик, совсем как в прошлый раз.

– Добро пожаловать.

Та же самая седая старуха, сидящая за тем же самым столом у входа, поздоровалась со мной тем же самым тоном. Была середина дня, но внутри магазина – нет, кукольной выставки – все равно царил тот же самый полумрак, что и в предыдущий раз, когда я сюда пришел.

– О, что такое? Нечасто к нам заходят молодые люди.

Даже это не изменилось...

– Вы учитесь в средней школе? Сейчас не на уроках? В таком случае можете пройти за полцены.

– ...Спасибо.

Я достал из кармана кошелек, а старуха добавила:

– Не стесняйтесь, смотрите сколько душе угодно. Других посетителей все равно сейчас нет.

Чувствуя, что у меня малость кружится голова, я прошел на выставку.

Унылая струнная музыка. Повсюду армии кукол, красивых и страшноватых. Фантастические пейзажи на стенах. Все до последней детали было как тогда. Чувствуя, что я будто пойман в

петлю бесконечного, повторяющегося ночного кошмара, я положил сумку на диванчик в задней части комнаты. И...

Глубоко дыша за тех, кто сам дышать не мог, направился к лестнице в подвал, словно меня туда тянули невидимые нити.

Холодный воздух подвальной комнаты, напоминающей гробницу, и куклы (и их части), лежащие повсюду, – все это оставалось точно таким же, как я помнил. В стенных нишах – девочка без правой руки, мальчик с тонкими крыльями, прикрывающими нижнюю половину лица, близнецы, сросшиеся на уровне животов... И – да – черный гроб, стоящий в дальнем конце комнаты, и лежащая в нем кукла – точная копия Мей Мисаки.

В отличие от прошлого раза, тумана у меня в голове не было и я особо не мерз. Но – снова как марионетка, которую тянут за нити, – я подошел к гробу и встал перед ним.

Эту куклу создала Кирика – имя пишется как «фрукт в тумане». Так мне сказала Мей. Я затаил дыхание, глядя на лицо куклы, даже более бледное, чем у настоящей Мей, на губы, готовые, казалось, вот-вот что-то произнести, – когда...

Произошло нечто, в реальность чего я просто не мог поверить.

Из тени черного гроба, хранящего в себе куклу, медленно, беззвучно...

...Не может быть.

На меня накатил новый приступ головокружения.

«Не стесняйтесь, смотрите сколько душе угодно».

Слова старухи, произнесенные считанные минуты назад, зазвучали у меня в ушах.

«Других посетителей все равно сейчас нет».

...Аа, ну конечно.

В прошлый раз она сказала то же самое. «Других посетителей нет» – я точно помнил. И тогда эти слова как-то царапали мое сознание. «Других посетителей нет» – и все же.

И все же – почему?

Медленно, беззвучно из тени черного гроба...

...Почему?

Появилась она – Мей Мисаки.

Она была в темно-синей юбке и белой летней блузке – здесь, в подвале, на нее даже смотреть было холодно. И выглядела она бледнее обычного.

– Какое совпадение – встретиться в таком месте, – еле заметно улыбнувшись, произнесла Мей.

Совпадение... действительно ли совпадение? Я изо всех сил пытался найти что ответить, когда Мей спросила:

- Почему ты сюда пришел?

- Я возвращался домой из больницы. И просто проходил мимо, - ответил я, затем задал встречный вопрос: - А ты? Ты что, не пошла в школу?

- Ну, вроде того. Вдруг взяла и не пошла, - ответила она, вновь чуть улыбнувшись. - Ты себя уже нормально чувствуешь, Саакибара-кун?

- Достаточно нормально, чтобы не угодить опять на койку. Как там ребята в классе после... ну, после Сакураги-сан?

- Мм, - тихо промычала Мей, потом ответила: - Все... напуганы.

Напуганы. Мидзуно-сан тоже так сказала.

«У меня такое впечатление, что он был напуган чем-то».

- Напуганы? Чем?

- Они думают: «Началось».

- Что началось?

Мей резко отвела взгляд. Похоже, она сама не вполне знала, как ответить.

Несколько секунд она молчала, потом наконец заговорила.

- Я... думаю, в глубине души я только наполовину верила. Сначала было это, потом в мае, когда пришел ты, я тебе всякого наговорила, но все равно я на сто процентов не верила. Я немножко еще сомневалась. Но...

Тут она смолкла и вновь повернулась ко мне. Ее правый глаз сощурился, будто спрашивая что-то; однако я склонил голову набок, по-прежнему ничего не понимая.

- Но, похоже, сейчас действительно один из «таких годов», - продолжила Мей. - Думаю, это уже сто процентов.

- ...

- Потому что это уже началось. Так что...

Глаз Мей снова прищурился, будто спрашивая: «Что ты об этом думаешь?» Но я по-прежнему мог лишь смотреть недоуменно.

- Значит, ты до сих пор не знаешь, Саакибара-кун? - пробормотала Мей и повернулась ко мне спиной. - Тогда, может быть, тебе и не полагается знать. Если ты сам выяснишь, то, возможно...

- Стой, стой, - машинально перебил я. - Ты мне такие штуки говоришь, а потом ожидаешь, что я...

Больше всего мне хотелось просто пожать плечами и ответить: «Блин, ничего не понимаю». Всякие там «Началось», «Я сомневалась», «Один из «таких годов»»... хорошо бы ей прекратить изображать всезнайку.

- Как ты думаешь, ты сможешь ходить в школу? – спросила Мей, все еще стоя ко мне спиной.

- Ага. Завтра пойду.

- А. Ну если ты пойдешь, то мне лучше воздержаться.

- Что? Не, ну слушай. Что ты –

- Будь осторожен, – слегка повернувшись, перебила она. – И никому не говори, что видел меня здесь.

После чего снова повернулась ко мне спиной и беззвучно ушла прочь, исчезла за черным гробом.

Лишь через несколько секунд я попытался тихо ее позвать:

- Э, Мисаки.

Я сделал шаг вперед.

- Э, это, почему ты?..

...Тут у меня заплелись ноги. Мгновение спустя меня охватило какое-то странное головокружение, как будто все вокруг закачалось.

«Ты не чувствуешь, что из тебя высасывают?

Высасывают все, что внутри?»

В моей голове, как какое-то заклинание, проплыли слова, которые Мей сказала в прошлый раз, когда мы с ней тут встретились.

«Куклы – это пустота. Их тела и сердца – полная пустота... вакуум.

Эта пустота похожа на смерть».

Каким-то образом мне удалось сделать еще шаг и удержать равновесие.

«Похожа на смерть»...

С содроганием я заглянул за гроб. Но...

Мей там не было.

И вообще никого не было.

Темно-красные портьеры, завешивающие стену, чуть покачивались от дуновения кондиционера. Меня вдруг пробрало морозом совсем по-зимнему, и я вздрогнул.

5

- Почему? Почему?

Майна Рей-тян повторяла свой любимый вопрос с привычным энтузиазмом.

Почему? Смотри сюда, птица, это я тут хочу узнать, почему... Я сердито сверлил Рей-тян взглядом, но она (...предположительно) не обращала на меня ни малейшего внимания.

- Почему? Рей-тян. Почему? Доброе утро. Доброе утро...

После ужина я вышел на крыльцо, где был хороший сигнал, и попытался дозвониться отцу в Индию. Но, похоже, его телефон был выключен – я набирал три раза, и все три раза звонок не прошел. Может, он до сих пор работает. Там-то еще день.

Аа, ну и ладно. Я махнул рукой.

Даже если я расскажу ему о том, что произошло на прошлой неделе и о своих проблемах со здоровьем, вряд ли он мне сможет дать какой-то совет. Если я чего и хотел бы услышать от папаша, – это о среднешкольных годах моей мамы. Хотя, конечно, я понятия не имел, как ее история может сплестись с теми событиями, которые происходили сейчас, да и может ли вообще.

Было еще желание спросить, остались ли мамины фотки тех времен. Или, может, школьный фотоальбом... кстати, в школе он, скорей всего, сохранился. Да – если заглянуть в дополнительную библиотеку в нулевом корпусе...

Я ушел с крыльца, оставив Рей-тян в одиночестве, и заглянул в гостиную, где Рейко-сан смотрела телевизор. С экрана трепался какой-то юморист – по-моему, такого рода передачи она не любила; но приглядевшись, я увидел, что Рейко-сан, погрузившись в диван, сидит с закрытыми глазами... Да, она спала.

От кондиционера дуло холодным воздухом, и в комнате было чертовски зябко. Эй, Рейко-сан! Если будешь тут спать, подхватишь простуду! Я уже собрался хотя бы пойти выключить кондиционер, когда –

- Коити-кун? – произнесла она. Я подпрыгнул на месте и обернулся. Глаза Рейко-сан были лениво приоткрыты.

- Когда я успела задремать?.. Мм, нехорошо, нехорошо.

Она с натугой помотала головой. Как раз в этот момент в телевизоре кто-то пронзительно захохотал. Рейко-сан нахмурила брови, потянулась к пульту и выключила телек.

- Ты себя нормально чувствуешь?

- Мм? ...Да, наверное.

Рейко-сан встала с дивана и перебралась на стул. Налив в стакан холодной воды из кувшина на столе, она проглотила какие-то таблетки.

- Голова побаливает, – объяснила она, видя, что я на нее смотрю. – Эти таблетки слабенькие, но их хватает. Что-то часто в последнее время голова болит. Это начинает раздражать.

- Может, ты просто устала? Тебе так много всего приходится делать, и, это...

Она тихо вздохнула, потом ответила:

- Наверное. Ладно, ты мне другое скажи: ты в порядке, Коити-кун? Ты же сегодня ходил в поликлинику?

- Мое состояние стабилизировалось, новых проблем нет. Так они мне там сказали.
- О. Это хорошо.
- Эээ, Рейко-сан?

Я тоже сел на стул, прямо напротив нее.

- Помнишь, ты говорила, что все надо узнавать в подходящее время? Что всему свое время? Но как узнать, сейчас подходящее время или нет? – совершенно серьезным тоном спросил я. Однако Рейко-сан посмотрела на меня угрюмо.

- Я так говорила?

Она склонила голову набок. Я обалдело застыл. В голове мелькнуло пронзительное «Почему?» в исполнении Рей-тян.

Она придушивается или правда не помнит?

- Эмм... ладно, а можно я спрошу кое-что? Мне тут пришло в голову, – я собрался с духом и задал другой вопрос: – Когда ты училась в Северном Ёми в третьем классе, то в какой параллели?

- В третьем классе?
- Ага. Ты не помнишь?

После этих моих слов Рейко-сан оперлась щекой на руку – ее лицо стало еще угрюмей – и ответила:

- В третьей.
- Значит, три-три? Seriously?
- Мм.

- А когда ты там училась... ну, у вас там говорили про «проклятие класса три-три» или что-нибудь вроде того?

- Ммм.

Все еще опираясь подбородком о ладонь, Рейко-сан как будто подыскивала ответ. Но в конце концов просто тихо вздохнула, как незадолго до того, и сказала:

- Это было пятнадцать лет назад. Я все забыла.

Даже не раздумывая над тем, искренний это ответ или просто отмазка –

Пятнадцать лет назад?..

Внезапно меня охватило какое-то непонятное беспокойство.

Пятнадцать лет назад – это было... ох. Понятно. Ну конечно. Но...

- Ты завтра идешь в школу, да? – уточнила Рейко-сан.

- Ага. Во всяком случае, собираюсь.

- Я ведь тебе уже рассказала «Основные принципы Северного Ёми»? Ты помнишь, что надо делать?

- А, ага. Я уже -

- И номер три?

- ...Ага.

Конечно, я помнил. И номер один, и номер два, которые мне казались просто суевериями, и номер четыре, лично для меня самый важный. И номер три... вроде это о том, что...

- Я обязан подчиняться любому решению класса - это, да?

- Именно, - медленно кивнула Рейко-сан.

- А почему ты вдруг его вспомнила?

Рейко-сан вдруг протяжно зевнула, потом замотала головой, будто стряхивая сонливость.

- О, аа... что? - и склонила голову набок.

- Мы говорили о третьем «принципе Северного Ёми».

- Да? Сейчас. Вообще-то ты их все должен соблюдать. То есть...

- Ээ. Ты себя нормально чувствуешь?

- Мммм. Думаю, я устала сильно. Прости, Коити-кун. Я сейчас просто не в состоянии.

Рейко-сан слегка стукнула себя кулачком по голове, и на ее лице появилась слабая улыбка. Во мне начало подниматься раздражение... нет, на самом деле это были более сложные чувства.

Я ведь могу рассказать Рейко-сан про Мей? Вообще-то - разве я не должен это сделать? Такая мысль меня посещала нередко, но поднять эту тему мне всегда не хватало смелости. Вот и сейчас моя внутренняя борьба закончилась тем, что я решил замять вопрос.

Мне всегда было неловко говорить с Рейко-сан. Лицом к лицу с ней я постоянно нервничал... в основном из-за того, что в ней я то и дело видел маму, которую знал только по фотографиям. Во, видите? Я уже провел самоанализ. Почему же тогда со временем ситуация становилась только хуже? Все-таки проблема где-то во мне. Или же...

Я решил, что уже пора отправляться к себе в комнату, чтобы лечь спать пораньше.

С этой мыслью я поднялся со стула.

- Почему? - раздался вдруг тихий голос. Без какого-либо намерения, без смысла.

- Заткнись! - неожиданно резко выкрикнула Рейко-сан. - Терпеть не могу эту птицу.

На большой перемене Мей Мисаки в классе не было.

Не потому что она свалила сразу после четвертого урока. Ее не было с самого утра. Она прогуляла, как и сказала мне вчера.

Я пропустил неделю, и одноклассники обходились со мной, на первый взгляд, деликатно – но если вдуматься, то просто безразлично и прохладно.

– Ты опять в больнице лежал?

Нет, поправлялся дома.

– Та же штука, что и в прошлый раз? Как там она называется, спонтанный пневмоторакс?

Он почти случился, но кое-как пронесло.

– Значит, теперь ты в порядке?

Ага, спасибо. Но никаких нагрузок – доктор запретил. Так что физра по-прежнему без меня.

– Надеюсь, ты поправишься совсем.

Я тоже, спасибо.

Ни один не упомянул смерть Юкари Сакураги и ее матери. И учителя держались так же. Парта Сакураги оставалась пустой. Там даже цветов не было – в таких ситуациях люди иногда их приносят... Все, как могли, избегали признавать ее смерть. Куда сильнее, на мой взгляд, чем следовало бы. Ну, так мне казалось.

На большой перемене первым со мной заговорил Томохико Кадзами. Он обратился ко мне, стоя в дверях.

– Аа... это.

Он подпихнул к переносице дужку очков в серебряной оправе, и на его напряженном лице появилась неловкая улыбка.

Вообще-то мне память подсказывала, что ровно так же он держался при самой первой нашей встрече – в апреле, в больнице. Мы были знакомы уже месяц, и мне начало казаться, что он слегка оттаял, но, судя по всему, мы снова вернулись на исходную позицию.

Я вдруг почувствовал, что у двух наших встреч – самой первой и вот этой, теперешней – есть нечто общее. В первую очередь, я бы сказал, скрываемое «напряжение». А во вторую – некая «настороженность».

– Рад, что тебе лучше. Я беспокоился о тебе. Ты целую неделю не ходил, я уж боялся, что у тебя рецидив.

– Я тоже. Честно говоря, от больницы меня уже тошнит.

– Тебе ведь на самом деле не нужны конспекты за то время, что тебя не было, да? – застенчиво спросил Кадзами. – Ты, оказывается, сильно учишься?

– Я просто кое-что из этого уже проходил в той школе, только и всего... я не настолько крут.

- А, так тебе, может, все-таки нужны конспекты?

- Думаю, пока я справлюсь.

- А. Ну ладно...

Даже во время этого пустого трепа напряжение не покидало лица Кадзами. Напряжение, настороженность и, кроме того, возможно... «страх»?

- То, что на той неделе случилось, наверно, для тебя стало настоящим шоком, - я решил первым поднять эту тему. - Вы с ней оба были старостами, оба приходили ко мне в больницу, и тут такое...

Я кинул взгляд на парту Сакураги. Кадзами поспешно сделал то же самое.

- Нам теперь надо выбрать нового старосту среди девочек. Думаю, на завтрашнем дополнительном классном часе... - вдруг он оборвал фразу и вышел из класса.

- Новая староста, значит...

Кадзами и Сакураги подходили друг другу, они были как близнецы; но, думаю, в средней школе на роль старосты уйма народу годится...

По-прежнему сидя за партой, я осторожно огляделся. Поскольку был уже июнь, большинство учеников носило летнюю форму.

Девчонки тут и там собирались кучками, чтобы вместе пообедать. Компания парней болтала в углу возле окна. Один из них выделялся высоким ростом. Довольно загорелый, коротко стриженный. Наверняка это и был Мидзуно. Такеру Мидзуно из баскетбольной секции. Его имя писалось кандзи, означающим «ярость».

Мне на миг захотелось подойти к нему и поговорить.

Я мог бы упомянуть его сестру, чтобы разбить лед; в зависимости от того, как все пойдет дальше, можно было бы рассказать, как я с ней вчера встречался, и... нет. Плохая идея. Сейчас мне надо только ждать новостей от Мидзуно-сан. Она же сказала: «Почему бы мне не попробовать что-нибудь разузнать?» И она говорила, что не очень-то общается с младшим братом; если я сейчас неуклюже влезу, он только сильнее встревожится, и тогда Мидзуно-сан вообще ничего из него не сумеет вытащить.

Я набил живот домашним бабушкиным бэнто, преисполнившись благодарности, как всегда; потом в одиночестве вышел в коридор. Меня не покидало ощущение, что Мидзуно-младший то и дело кидал на меня взгляды, и на этот раз я был почти уверен, что это не игра воображения.

Как и в прошлый вторник, я встал у окна напротив восточной лестницы.

В небе висело несколько облачков. Дождя не было, но ветер задувал довольно сильно. Я слышал его прерывистый свист даже сквозь стекло.

Отвернувшись от окна, я прислонился к стене и вытащил мобильник из кармана брюк. Нашел в списке звонков номер Тэсигавары и без колебаний нажал кнопку вызова.

Тэсигавара в школе был. Однако со мной ни разу не заговорил и как будто избегал встречаться глазами. В самом начале большой перемены я оглядел класс, но он уже испарился. Серьезно,

кем он себя считает – Мей Мисаки, что ли?

– П-привет.

После фиг знает какой по счету попытки он таки взял трубку. Я мгновенно спросил:

– Ты сейчас где?

– Э...

– Никаких «э». Давай выкладывай, где ты.

– Снаружи... во дворе гуляю.

– Во дворе?

Я подошел к окну и просканировал глазами двор сквозь стекло. Там болталось больше учеников, чем я ожидал, и определить, где Тэсигавара, я не мог.

– Я сейчас спущусь. Жди меня у лотосового пруда.

– Э. Погоди, Сааки...

– Скоро буду.

Я разъединился, прежде чем он успел что-либо еще сказать, и поспешил туда, где я велел ему быть.

7

Тэсигавара послушался моих указаний и ждал возле пруда, откуда якобы время от времени вылезала окровавленная человеческая рука. Водную гладь ковром покрывали листья кувшинок (а вовсе не лотосов). Никого знакомого поблизости не было. Похоже, Тэсигавара один «во дворе гулял».

– Я сто раз пытался тебе дозвониться на той неделе, но ты так и не ответил, – произнес я самым холодным тоном, на какой только был способен. Тэсигавара театральным жестом свел ладони перед грудью и ответил: «Ага, извини», – но глаза все время старательно отводил.

– Понимаешь, когда ты звонил, я всякий раз был чем-то занят. Я сам думал тебе позвонить, но не смог. В смысле, ты же себя плохо чувствовал, ага? Во, и я не хотел тебя беспокоить.

Отмазка прозвучала довольно жалко.

– Ты обещал, – заявил я. – Ты говорил, что в июне все расскажешь.

– Э...

– Я сказал уже, «э» – это не ответ.

Крашеноголовый был явно выбит из колеи и даже не пытался этого скрыть. Я прищипил его нетипично (для меня) жестким взглядом.

– Я хочу, чтобы ты сдержал слово. В конце концов, тебя никто за язык не тянул. Двадцать

шесть лет назад что-то произошло. В классе три-три учился некто Мисаки, которого или которую все любили, а потом была какая-то дурацкая авария, и он погиб... А потом что было?

- ...

- Вы что-то говорили насчет того, что тогда «это началось». Так что?.. Что стало потом с классом три-три?

- Эй, эй, тормозни, Сааки, - впервые за сегодня Тэсигавара посмотрел мне прямо в глаза. - Ага, ты прав, я обещал. Я сказал, что расскажу тебе, когда мы доберемся до июня. Я тогда имел в виду, чтобы ты до конца месяца сидел спокойно.

Тэсигавара уныло вздохнул. Ветер стонал над головой.

- Ситуация изменилась, - произнес он и отвел глаза. - Щас все не так, как было тогда, когда я тебе дал слово. Так что...

- Так что ты отказываешься от своего обещания?

- ...Ага.

Ни фиги себе заявочки... Естественно, переварить это мне было нелегко. Однако, судя по тому, как изворачивался Тэсигавара, нажимать на него и пытаться еще что-то вытянуть сейчас бесполезно. И тем не менее.

Оставался один вопрос, который я просто не мог не задать. А именно...

- Помнишь, ты как-то сказал мне, чтобы я «перестал обращать внимание на то, чего нет»?

Тэсигавара молча кивнул, его лицо напряглось.

- Ты сказал тогда, что «это паршиво». Что ты -

Ровно в этот момент в кармане моих брюк завибрировало. Кто бы это мог быть? Мысленно пролистывая имена, я достал мобильник, на дисплее которого горела иконка входящего вызова. Имя рядом с иконкой было - Мидзуно-сан. А ведь я с ней только вчера виделся.

- Слушай, Саакибара-кун. У тебя ведь сейчас большая перемена, да? Ты можешь говорить? - голос Мидзуно-сан звучал малость игриво. - Я сейчас в больнице.

- Э? Я думал, у вас выходной? - спросил я, понизив голос и прикрыв рот рукой, поскольку Тэсигавара же был рядом.

- Мне сегодня позвонили, и пришлось прийти. Тяжелая это работа, особенно для новичка.

Со стоном пожаловавшись на суровую жизнь, Мидзуно-сан продолжила уже нормальным голосом:

- В общем, так. Я выкрала пару секунд у этого сумасшедшего дома и выбралась на крышу больницы. Я отсюда звоню.

- Что случилось? Вы?..

- Я попыталась поговорить с ним вчера вечером.

- С братом? Насчет этого?

- Да. Когда я с ним говорила... ммм, прежде чем я тебе перескажу, хочу у тебя кое-что уточнить.

- Уточнить что?

- Ты готов?

Голос Мидзуно-сан зазвучал громче. Она точно была на крыше... ну, по крайней мере не в помещении - я четко слышал в трубке завывание ветра.

- Эта девочка, Мей-тян, о которой ты вчера рассказывал, Мей Мисаки. Она на самом деле существует?

- Чего?

Даже и не знаю, что на это ответить...

- Да, конечно, она существует.

- Прямо сейчас? Она поблизости? Ты уверен?

- Нет, сегодня ее нет в школе.

- Значит, ее нет.

- Вы о чем? - невольно я повысил голос. - Почему вы спрашиваете?..

- Я уже сказала - я вчера вечером говорила с братишкой, - и Мидзуно-сан принялась быстро пересказывать, что она узнала. - Я пыталась что-нибудь из него вытянуть про двадцать шесть лет назад и про то, что случилось на той неделе, но это было как лбом об стенку. И вид у него по-прежнему был такой, будто он чего-то до смерти боится. Но потом, под конец, я попыталась узнать у него про Мей-тян.

Ххххшшш... На линии раздались помехи, и голос Мидзуно-сан захрипел.

- И тут он сразу покраснел и ответил: «Чего ты об этом спрашиваешь? Нету таких у нас в классе». И он говорил совершенно серьезно, я его никогда раньше таким серьезным не видела. И я подумала, может, эта девочка, Мей Мисаки, на самом деле не -

- Он все врет.

Я увидел, что Тэсигавара смотрит на меня с подозрением. Я повернулся к нему спиной, потом поднес правую руку, в которой был телефон, совсем вплотную ко рту.

- Он все врет, - с нажимом повторил я.

- Но... он был такой серьезный. Совершенно не понимаю, зачем ему врать...

Ххххшшшшшшшхххх... Я снова услышал шум помех, и голос Мидзуно-сан прервался. Но мне было плевать. Я сказал в трубку:

- Мей Мисаки существует.

Мей существует. Я кучу раз ее видел. Кучу раз с ней говорил. Да вот вчера виделся с ней. И мы разговаривали. Как же она может не существовать? Маразм просто.

- ...Э.

Голос Мидзуно-сан пробился сквозь помехи, но звучал как-то по-другому, не как раньше.

- А... что такое?

- ...То есть?

Кшшшш... хррррхрррр... хшш.

- Мидзуно-сан! Вы меня слышите?

- ...Сакакибара-кун.

Ее голос хрипел сильнее, чем прежде.

- Я ушла с крыши. Я в лифте. Мне уже пора возвра-...

- А, вот почему сигнал такой плохой.

- ...Но это... нет. Что за?..

Хррррхрррр... Помехи стали мощнее, гуще. Голос Мидзуно-сан утонул в них, исчез полностью.

- Мидзуно-сан! - я машинально сжал трубку еще сильнее. - Вы меня слышите? Что проис-...

Я застыл на полуслове: из трубки слышались какие-то странные звуки. Трудно даже описать, на что они были похожи. Очень странные, страшные звуки...

Я отвел трубку от лица, не в силах больше слушать.

Что случилось?

Она зашла в лифт, и сигнал пропал... Все из-за этого? Из-за этого такой звук? Нет, в последний момент она...

В ужасе я снова поднес трубку к уху. И тут же услышал грубый, жесткий стук. Как будто - да, как будто телефон уронили на пол.

Хххххшшшшшхххххшшшш.... Хххррррхрррр... Помехи снова стали сильнее. А за миг до того, как связь прервалась окончательно...

Я услышал слабый, но отчетливый и полный боли стон Мидзуно-сан.